

Сказав это, Юнь Цюцзэ высвободил руку, которую сжимал собеседник, и в отчаянии взъерошил свои волосы:

— Я наговорил ерунды.

Сам не понимая, как это вышло, он выпалил фразу о том, что любит его. Стоило словам сорваться с губ, как он тут же пожалел об этом. Ну как же так? Как он мог такое сказать? Даже если ты сонный, нужно же соображать, что говоришь, дурак!

Если бы Бо Суна не было рядом, Юнь Цюцзэ непременно закрыл бы лицо руками, сполз по стене и завыл от стыда. Ему казалось, что он и так уже достаточно опозорился, а теперь лишь добавил еще одну главу в книгу своего позора. Сейчас он даже не смел поднять глаз на Бо Суна. Хотя он и знал, что тот не станет презирать его за это, одно лишь удивление на лице собеседника причиняло ему боль.

Возможно, он потому и набрался смелости признаться, что в глубине души все же питал какие-то надежды на этого человека, веря, что даже если чувства не взаимны, тот не станет его унижать.

Юнь Цюцзэ понимал, что идет ва-банк. Он уже давно не рисковал так, и теперь оставалось лишь довериться судьбе, чтобы узнать, выиграет он или проиграет.

— Я правда ляпнул не подумав. Не верь мне, серьезно, прошу тебя, ни в коем случае не верь! — видя, что Бо Сун молчит, Юнь Цюцзэ решил еще раз подчеркнуть свои слова, хотя его лицо, готовое вот-вот разрыдаться, совсем не походило на шутливое.

Бо Сун изначально пришел, чтобы извиниться за вчерашнее, но кто же знал, что все обернется таким поворотом? Конечно, ему не впервой было слышать признания, причем как от женщин, так и от мужчин.

О женщинах и говорить нечего, а вот мужчин, начиная со старшей школы и заканчивая работой, было двое. Одно время он даже всерьез задумывался, не ведет ли он себя как-то не так, раз привлекает представителей своего пола, но потом, поразмыслив, понял, что дело вовсе не в этом.

Первым был парень из его общежития, с верхней койки. Признание случилось после выпускного, когда они фотографировались в мантиях. Честно говоря, тогда он не почувствовал отвращения, скорее недоумение. Поняв, что не испытывает ответных чувств, он вежливо отказал.

На прощание тот парень сказал, что решил признаться, потому что знал: даже если Бо Сун не ответит взаимностью, он не станет смотреть на него свысока. Парень понимал, что им не быть вместе, но хотел признаться, чтобы за четыре года студенчества не осталось сожалений.

Второй случай произошел уже на работе — стажер, на вид суровый мужик, признался ему после того, как Бо Сун его отверг. Сказал почти то же самое, а на следующий день выяснилось, что он уже готовится к эмиграции.

У этих двоих не было ничего общего, кроме того, что оба, словно сговорившись, больше не выходили на связь. Хотя это и нельзя было назвать разрывом отношений, но встречаться после такого было бы неловко, поэтому общение сошло на нет само собой.

Он не особо запомнил эти случаи. По его мнению, признания и симпатия — вещи вполне естественные. Неважно, мужчина это или женщина, главное — само чувство. Если любишь — будьте вместе, если нет — не будьте. Все просто, зачем усложнять?

Суть признания — в симпатии, а не в поле. И в этот раз он был удивлен не тем, что мужчина признался ему в чувствах, а тем, что этим мужчиной оказался Юнь Цюцзэ.

Сам не зная зачем, Бо Сун внезапно спросил:

— Ты что, завтра собрался эмигрировать или переезжать?

— А? — Юнь Цюцзэ, уже приготовившийся к худшему, растерялся от такого странного вопроса. Напряженная и неловкая атмосфера вмиг испарилась, сменившись чем-то комичным.

— Кхм, нет, ничего, — Бо Сун потер нос. — Ты правда... любишь меня?

— Вранье, — не задумываясь, отрезал Юнь Цюцзэ, а затем добавил: — На самом деле я тебя терпеть не могу. Это все типичная зависть к богатству, правда-правда, я говорю чистую правду.

Он не собирался наступать на те же грабли дважды.

— Включая то, что ты любишь меня?

— Эй! Ну почему ты запоминаешь именно то, что не нужно? — Юнь Цюцзэ был готов лезть на стенку.

Бо Сун пожал плечами. Этот малый заводился с пол-оборота, неясно, был ли он таким со всеми или только с ним. Но, честно говоря, это было забавно — как и с Бо Цином, он верил всему, что ему говорят.

Дин-дон, дин-дон!

— Я, я, я пойду открою! — Юнь Цюцзэ, словно обретя спасение, бросился к двери.

В итоге разговор о чувствах так и остался незавершенным из-за незваного гостя. С виду казалось, что тема закрыта, но оба понимали, что страница не перевернута, просто сейчас не самый подходящий момент, чтобы к ней возвращаться.

— Иду, иду! Кто там?

— Тетушка Му? Уже почти семь вечера, вы чего? Заходите, заходите! — открыв дверь, Юнь Цюцзэ застыл.

Тетушка Му была его домовладелицей, женщиной лет сорока с добрым характером. Она всегда помогала Юнь Цюцзэ, если возникали трудности. Обычно арендная плата переводилась на карту, поэтому она редко заглядывала к нему лично.

— Сяо Цю! Я не буду заходить. Ты вещи собрал?

— А? Какие вещи? — Юнь Цюцзэ был в полном недоумении.

Тетушка Му тоже удивилась:

— Мы же договаривались, что сегодня ты съезжаешь! Неужели забыл?

— В этом месяце? Разве сейчас не ноябрь? — Юнь Цюцзэ окончательно запутался. Он помнил, что сын тетушки Му скоро женится и ему понадобится эта квартира, но до срока оставалось еще два месяца, поэтому он не спешил искать новое жилье.

— Нет же! В прошлый раз я говорила про конец сентября, а не ноября! Мой сын после свадьбы и медового месяца сразу въедет сюда, а на ремонт нужен как минимум месяц. — Тетушка Му показала телефон, где черным по белому значилось сегодняшнее число.

— Вот черт, я перепутал даты.

Юнь Цюцзэ недавно сменил телефон, старые записи не сохранились, и он был уверен, что срок — ноябрь, поэтому не переспрашивал. Кто же знал, что он сам натворил дел.

— Что случилось? — Бо Сун, заметив перемену в лице Юнь Цюцзэ, подошел ближе.

— Я перепутал дату переезда, — виновато признался Юнь Цюцзэ. В последнее время и так навалилось много проблем, а тут еще и это нелепое недоразумение на глазах у Бо Суна. Ему даже закрывать лицо руками расхотелось от собственной глупости.

— И что теперь делать? Сяо Цю, посмотри... — Тетушка Му тоже была в затруднении. Сын вот-вот женится, времени в обрез. Она сама была занята на работе, поэтому пришла поздно

вечером проверить, как идут сборы, будучи уверенной, что Юнь Цюцзэ уже нашел новое жилье.

— Давайте так! Я сейчас все соберу и сразу съеду, у меня вещей немного. — Юнь Цюцзэ улыбнулся Бо Суну: — Прости, придется тебя побеспокоить, сможешь перевезти вещи? Ты на машине?

— Уже так поздно, может, не стоит? Сяо Цю, ты ведь еще не нашел квартиру. Давай через пару дней, не спеши, правда! — засуетилась тетушка Му.

— Ничего страшного, тетушка Му. Съезжать все равно нужно, я и так чувствую себя неловко. Если сегодня не перееду, мне будет не по себе.

— Без проблем, я помогу все быстро упаковать. Что нужно собрать? — Бо Сун похлопал Юнь Цюцзэ по плечу, расстегнул пуговицы на рукавах рубашки и закатал их, готовясь к работе.

За год жизни здесь накопилось немало мелочей, пришлось сделать несколько ходок, чтобы все вынести. Впрочем, для полноценного дома вещей было не так уж много.

Юнь Цюцзэ любил покупать всякие штуки, но, не имея своего жилья, сдерживал себя, чтобы не усложнять переезды. С помощью Бо Суна они управились всего за час. Посуда принадлежала хозяйке, а еду, которую принес Бо Сун, они просто сложили обратно, попутно вымыв тарелки и кастрюли.

Бо Сун спустил коробки вниз, а Юнь Цюцзэ вернул ключи домовладелице:

— Тетушка Му, это ваши ключи. Еще один комплект у моего друга, если вы не будете менять замки, я принесу его на днях.

— Зачем менять замки? Здесь жил только ты, я доверяю тебе больше, чем кому-либо другому.

— Она погладила его по руке. Ее сын был примерно того же возраста, что и Юнь Цюцзэ, поэтому женщина прониклась симпатией к этому красивому парню. К тому же он не был похож на других холостяков, которые вечно устраивают бардак — он бережно относился к вещам, и сдавать ему квартиру было одно удовольствие.

Все-таки за год они успели сблизиться, и если бы не свадьба сына, она бы ни за что не рассталась с таким жильцом.

— Хорошо, тогда через пару дней занесу.

— Обязательно приходи на свадьбу! И своего парня приводи, это ведь он был с тобой? Чем он занимается? — Тетушка Му знала о предпочтениях Юнь Цюцзэ, а видя, как Бо Сун помогает ему в столь поздний час, она автоматически приняла его за бойфренда.

Юнь Цюцзэ замялся, но все же кивнул. Разве нельзя позволить себе немного тщеславия?

Поболтав еще немного, Юнь Цюцзэ ушел. Грусть, конечно, была, но он знал, что переезд неизбежен, так что цепляться не за что — это не его дом, и сколько бы он здесь ни жил, рано или поздно пришлось бы съехать.

У китайцев глубоко укоренилось убеждение: нет своего дома — нет покоя на душе.

— Прости, опять тебя беспокою, — Юнь Цюцзэ сел в машину, пристегнул ремень и виновато посмотрел на Бо Суна.

Бо Сун взъерошил его волосы:

— Ничего, пустяки. Уже поздно, у тебя есть где остановиться?

Юнь Цюцзэ покачал головой:

— Отвези меня в какой-нибудь недорогой отель, я пока там поживу.

— Еще чего! В такое время, с кучей вещей — и в отель? — Бо Сун нажал на газ. — Пока я рядом, никакой гостиницы. Поедешь ко мне, у меня полно свободных комнат, живи сколько хочешь.

Когда Бо Цин, вприпрыжку возвращаясь от соседа после игры в приставку, увидел своего обожаемого учителя, выходящего из кухни с тарелкой, он замер. Учитель улыбнулся ему:

— Бо Цин, вернулся? Голодный? Я приготовил ужин, ну, или поздний перекус.

Бо Цин моргнул, еще раз моргнул, а Бо Сун отвесил ему подзатыльник:

— Остолбенел? Мои руки и ешь!

— Пап.

— Что?

— А это у вас называется сожителем до брака?

В итоге Бо Цин, с огромной шишкой на голове и слезами на глазах, принялся грызть омара.